

ФИЛОСОФИЯ

*Елена Викторовна АВЕРИНА —
доцент кафедры философии
Современной гуманитарной академии,
(г. Москва)*

УДК 130.2(=161.1):82. 0

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ПОНИМАНИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

АННОТАЦИЯ. В статье на основе анализа творчества Ф. М. Достоевского выделяются основные черты русского национального характера, определяемые православием: свобода, сила совести, справедливость, доброта, достоинство, неуспокоенность, потребность принять страдание и ответить за общую вину, широта и терпимость. Совокупность данных черт образует «русскость» в понимании писателя.

In the article based on the analyse of Dostoevsky's work main features of russian national character are emphasized, which are detemined by Orthodoxy: freedom, power of conscience, juistic, kindness, dignity, being unsatisfied, need to take suffering and responsibility for everybody's gilt, breadth and tolerance. The totality of those feartures makes up the «russian originality» in the writer's understanding.

В творческом наследии Ф. М. Достоевского отчетливо представлены не только отдельные типы русского народа, но и глубоко осмысленная, единая концепция национального характера. Понятие «народ» является для писателя предельно общим, не сводится к сумме конкретных черт, но содержит в себе нечто главное, определяющее суть человека. Это не только отражение в понятии некоего социального явления, но и нечто общее, присущее русскому человеку.

Общечеловеческое для Достоевского выступает, прежде всего, через национальное, судьбу человечества он связывает с судьбой России. Именно в этом контексте ставится проблема русской самобытности и, в частности, русского национального характера.

По наблюдению А. А. Ивановой, определяющей характеристикой народа в творческой системе писателя является единство нравственной позиции [1]. Достоевский связывает с образом народа сострадание и всепрощение, считая эти качества высшими проявлениями нравственности. Он обращает внимание на то, что простой народ никогда «не корит арестанта за его преступление, как бы

ужасно оно ни было, и прощает ему все за понесенное им наказание и вообще за несчастье. Недаром же весь народ во всей России называет преступление несчастьем, а преступников несчастными» [2]. Народ у Достоевского — носитель добра без оглядки, противопоставления злу одного лишь добра. Идея противостояния злу — определяющая в концепции русского национального характера. Именно в этом свойстве и проявляется русскость человека. В «Записках из мертвого дома» писатель выделяет чувство справедливости и жажду ее как наиболее характерную черту русского народа.

Достоевский лично выстрадал мысль о том, что немногому могут научить народ мудрецы, напротив: сами они еще должны у него поучиться. Он приводит в «Дневнике писателя» примеры бескорыстного поведения людей из народа и замечает, что интеллигенция на такое редко способна. В «Зимних заметках...» Достоевский критиковал интеллигенцию за то, что она видит в народе лишь косную массу. Она, не понимая народа, принимает внешние неприглядные черты (пьянство, сквернословие и пр.) за его суть. Внешнее «зверство» народа писатель называет «тиной веков», наносной, смывающейся.

Автора «Записок из мертвого дома» поражает в каторжанах сочетание крайней жестокости с чем-то поистине наивным и детским. Рисуя их на спектакле, изображая, как их целиком захватило представление, автор замечает, что, несмотря на возраст, они были «вполне дети». С детьми автор сравнивает и Миколку и Макара Долгорукого, единственно веселого человека в романе. Писатель обращает внимание в «Записных тетрадях», что у русского народа совсем нет злобных песен, он даже «Барыню» поет с веселостью, а не с негодованием. Тема народа у Достоевского вообще постоянно перекликается с темами детства и святости; народ, дети и святые обладают чистой душой и способностью к искренней радости. Р. Лаут так охарактеризует этот союз: «В перспективе они ведут ко Христу, идеал которого светится в русском народе, одухотворяет святых и неосознанно воплощается в детях» [3].

Сочетание темных глубин психики с чертами чистой неподдельной детскости составляет особую контрастность. Контрастность не только является характерной чертой стиля писателя, она отражает и диалектику жизненных противоречий, и полярность душевных качеств, которая составляет свойство русского национального характера.

Достоевский вообще подходит к человеку не со стороны его простоты, а со стороны его сложности. Противоречия, складывающие личность, соприкасаются и пересекаются в разных плоскостях, образуя сложные душевные фигуры. Человек, по мнению писателя, состоит не из одного какого-нибудь побуждения, человек — это целый мир. Рисуя человеческую природу, художник убеждается в ее нравственной многосоставности. И главное не в пропорциях злого и доброго, а в том, что подлинно доброе и благородное в человеке не исключает в нем зла и низменных помыслов. В том, чтобы справиться с этим, и состоит, по Достоевскому, потенциал человеческого развития. До национального уровня обобщения поднимается Подросток: «... я тысячу раз дивился на эту способность человека (и, кажется, русского человека по преимуществу) лелеять в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и все совершенно искренне. Широко ли это особенная в русском человеке, которая его далеко поведет, или просто подлость — вот вопрос!» [4]

Осмысляя русскую жизнь и русский характер, писатель обращает внимание на их отличительную черту, обусловленную той самой «широкостью», — неуспокоенность, неустанное движение. По определению Н. А. Бердяева, Достоевс-

кий «раскрыл в русской душе источник вечного движения, странствования, искания нового Града» [5]. Бердяев утверждает, что для самого Достоевского и русского народа в его понимании характерна не почвенность, так как почвенное существование есть существование в пределе, а перелив за все грани и пределы, беспредельность.

Противоречивость и антиномичность, ширь, необъятность, безграничность — вот качества русского характера, выделяемые Достоевским, в которых Бердяев видит не только материальное свойство русской природы, но и ее метафизическое свойство, внутреннее измерение. В «Записных тетрадях» встречается мысль о том, что характер русский добродушен: злых людей в России нет, но в России много исступленных. Мы встречаем у Достоевского подробное описание ужасного случая, когда деревенский парень собирается стрелять в причастие. Читаем о русском характере, что это, прежде всего, забвение всякой меры во всем, это — потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до крайности, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и броситься в нее вниз головой. А. Белый называет эту черту, на которой, по его мнению, как на центральной оси вращается психология самого Достоевского, «странной, с точки зрения здравого смысла, маниакальной» [6]. Но русский человек и живет далеко не всегда здравым смыслом — именно о стихии говорит писатель, как о русской национальной черте, совмещающей в себе две великих в своем размахе силы: разрушения и созидания.

В диалектических противоречиях и протекает разгадывание «тайны» человека, оно сводится в основном к выяснению нравственных основ, определяющих русскость. Такой основой, потенциально содержащей в себе мессианское предназначение русского народа, является по Достоевскому сила Совесть.

В русском человеке совесть неистребима. Она может заснуть на время, но обязательно проснется, как это случилось с героем «Честного вора». На изломе жизни он признался в проступке, причастность к которому ранее отрицал. Именно сила совести определяет, по Достоевскому, такие черты русского характера, как справедливость, достоинство и потребность в очищении страданием.

Уже в каторжанах писатель отмечает поражающие его поиски подвига. В первых главах «Записок» он представляет читателю необычайную судьбу человека, который по ночам читал Библию, затем вдруг отказался выйти на работу и бросился с кирпичом на начальника. Умирая, он говорил, что не имел ни на кого зла, а хотел только пострадать.

В истории этого каторжника — зерно мотива, который позднее разовьет Достоевский в образе маляра Миколки («Преступление и наказание»), пожелавшего «страдание принять». Миколка, по словам Н. М. Чиркова, — это «сама жизнь в ее нетронутости, свежем, и цельном, почти детском образе» [7]. Мысль Достоевского заключается в том, что русский деревенский парень со способностью безграничного веселья и удали, таит в себе возможности безграничного самоотречения и героического подвига. Миколка, принимая вину Раскольникова, представляет народ не по социальному происхождению, а по глубине «народной души». Порфирий Петрович указывает на него, как на прообраз дальнейшего жизненного пути Раскольникова: «Я даже вот уверен, что вы «страданье надумаете принять»... Миколка-то прав» [8].

Страдание может служить искуплением несправедливости, если его искренно принять на себя. Русский народ, по мнению Достоевского, как никто другой, понимал эту истину. Его потребность в искуплении и очищении страданием была безмерна. «У русского народа даже в счастье непременно есть часть стра-

дания, иначе счастье его для него неполно. Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид: он вздыхает и относит славу свою к милости Господа» [9].

В таком понимании страдания Райнхард Лаут видит положительную основу философии Достоевского: «Правильно мировоззрение, на котором покоится все православие, нет счастья в благополучии, счастье приобретается только страданием» [3]. И в этом контексте понятно поведение старца Зосимы, поклонившегося земным поклоном Мите Карамазову — человеку, которому предстояло большое страдание. Принципиальным для Достоевского оказывается свободный выбор страдания. Проблема свободы и свободного выбора доминирует в философии Достоевского. Свобода, присущая народу, есть устойчивая черта русского национального характера.

Большой свободой, как ни странно, наделен «малый человек», борьба которого с внешней необходимостью придает его существованию объективный смысл: малый человек, по наблюдению Достоевского, и нуждается, и хлеба нет, и детей сохранить нечем, на вострой соломке спит, а все в нем сердце легкое. Злодею и преступнику всегда открыта возможность свободно выбирать добро, и это есть проявление абсолютной свободы: Князь Мышкин, Алеша Карамазов, Соня Мармеладова во всех смыслах не совпадают с господствующими нравами, во всем внутренне свободны от них. Они представляют не создавшую их среду, а Человека, носящего признаки своей эпохи, конкретное воплощение национального характера.

Достоевский не принимает теорию «среды», противопоставляя ей настойчивое убеждение, что человек, наделенный свободной волей, не зависит от «среды», а напротив, «среда» зависит от него: «Делая человека ответственным, христианство признает тем самым и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» [9]. Отсюда следует, что непременным условием свободы по Достоевскому является ответственность. Ответственность русского народа проявляется в отмеченной ранее готовности «принять страдание». «Народ наш, — заключает Достоевский, — знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником» [9]. Когда русский народ называет преступников «несчастливыми», считает Достоевский, тут-то и сказывается сознание того, что «были бы мы лучше, и ты бы, может, того не сделал». Эту мысль вкладывает автор в уста старца Зосимы: «Были бы братья — будет и братство».

Величайшее достижение народного чувства — в сознании того, что «все за всех виноваты», в способности соединиться в «общей вине», не отделить себя от преступившего, сознавая его вину, но и сознавая свою к этой вине причастность. На «падшей» земле невозможно объединение в невиновности, это всегда будет объединение против кого-то, на кого и переложат вину. Объединиться со всеми можно лишь в признании общей вины, ответственности и боли.

Общее постигается Достоевским-философом через конкретное, «все» для него — сумма «каждых», поэтому и в основании осуществимости русского идеала нравственного преобразования остается у него единичная душа, одно только свободно избранное единичное добро.

В «Дневнике писателя» Достоевский приводит рассказ о том, как один человек, отрицательно относившийся к крепостному праву, копил из скромного

жалования деньги и выкупал крепостных — выкупил четверых. Он, конечно, не решил всех проблем крепостничества, и писатель прекрасно понимает это и вместе с тем восклицает: «Я ужасно люблю этот комический тип маленьких человечков, серьезно воображающих, что они своим микроскопическим действием и упорством в состоянии помочь общему делу, не дожидаясь общего подъема и почина» [9; 100]. «Малые дела» помогают не людям «вообще», а конкретным людям, единичное добро ведет к добру общему.

Одним из проявлений свободы выбора для Достоевского является труд. В «Записках из мертвого дома» Достоевский определяет работу как естественную потребность каторжной жизни. Примеров, подтверждающих эту мысль, на страницах повести множество. Представляет интерес эпизод с разбором барки, где сопоставляются два этапа работы: до и после «урока», т. е. четко обозначенного задания. До «урока» курились трубки, скучали конвоиры, шли долгие рассуждения, начиналась ругань и все было отмечено вялостью, неохотой, неумением. После урока: «Дело кипело. Все вдруг как-то замечательно поумнели. Ни лишних слов, ни ругани, всяк знал, что сказать, что сделать, куда стать, что посоветовать» [2]. Осознание пределов работы — самый примитивный, но все же смысл деятельности. Если в труде нет и этого, то труд просто не может состояться, он подменяется видимостью труда и вызывает отвращение и крайнее раздражение человека. Труд, сохраняющий возможность выражения свободы, привлекателен, самоценен и только поэтому может приводить к реальным положительным результатам. Эту мысль А. А. Иванова считает «великим личным открытием Достоевского» [1].

Бессмысленность и принудительность труда наемного рабочего, бесперспективность жизни простолюдина действительно давят и уничтожают человека. Результатом этого является чисто социальная проблема — пьянство. Пьянство, по Достоевскому, совсем не в характере русского народа, это явление внешнее, а не внутреннее, но зло, которое оно несет в себе, огромно. Недаром надежды на будущее писатель связывал не с государством, а с народом. В государстве он видел рассадник пьянства: «Чуть не половина теперешнего бюджета нашего оплачивает водка, т. е. ... народное пьянство и народный разврат, — стало быть, вся народная будущность. Мы, так сказать, будущностью нашею платим за наш величавый бюджет европейской державы» [9].

В статье «О любви к народу» он писал: «В русском человеке из простонародья нужно уметь отличать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ...» [10].

Истинная сущность свободы состоит в признании равенства людей. В этом качестве проблема свободы осмысливается писателем в отрицании «русского рабства». По Достоевскому, Пушкин «первый объявил, что русский человек не раб, и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство. Было рабство, но не было рабов» [11]. Парадоксальность этого высказывания снимается, по мнению В. П. Попова, если понять, что и крепостное право, и новый капиталистический гнет, «сор и грязь» мыслятся Достоевским как наносное, внешнее по отношению к русскому человеку начало, как маска, которая не приросла к его лицу, не определила его внутреннюю сущность [12].

Достоевский признает сословные классовые интересы лишь «временными, случайными», откуда вытекает утверждение о том, что помещик и мужик, сражаясь вместе в двенадцатом году, были «ближе друг к другу, чем у себя в деревне, в мирной усадьбе. Это был тот случай, когда массы пробудились к активной деятельности, к «участию» в общих «высших делах» «на равной ноге

с интеллигенцией». Именно на эту ситуацию ориентирован его вывод: «народ наш... могущественный и сознающий свое могущество организм, сплоченный весь как один человек» [13].

В системе старца Зосимы основой такого единения, основой равенства и братства признается не внешнее принуждение, но личное достоинство человека, акт свободной любви к другому человеку и ко всему живому. Зосима утверждает, что равенство может быть лишь в человеческом достоинстве, и эту истину поймут только в России.

Доказательством того, что в русском национальном характере раболепия нет, несмотря на рабское существование народа, является, во-первых, свободолюбие как свойство русского характера, а во-вторых, истинное достоинство, присущее русскому человеку. В «Беседах и поучениях старца Зосимы» снова встречается мысль Достоевского из «Записок из мертвого дома», мысль о высоких моральных качествах русского народа: «Поражало меня всю жизнь в великом народе нашем его достоинство благолепное и истинное, сам видел, сам свидетельствовать могу, видел и удивлялся, видел, несмотря даже на смрад грехов и нищий вид народа нашего. Не раболепен он, и это после рабства двух веков» [14]. На это качество обращает внимание Версилов, когда, характеризуя Макара Долгорукого, отмечает, что именно через отсутствие малейшей заносчивости достигается высшая порядочность. Русский человек уважает себя несомненно именно в своем положении, каково бы оно ни было и какова бы ни доставалась ему судьба.

Достоевский утверждал, что всякая нравственность выходит из религии, а так как русский народ в высшей степени нравственный, то корни ее следует искать в религиозности русского народа. Самыми светлыми чертами в характере русского народа Достоевский считал веру, кротость, подчинение воле Божьей. Много говоря о единстве русского народа и православия, он признает за религиозностью (а именно за православием) свойство национального характера. Достоевский не идеализировал народ, в его изображении народа много мрачного, противоречивого, он часто выделяет теневые стороны народного характера, но, видя сущность народа именно в моральной чистоте, признает русский народ идеалом красоты человеческой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова А. А. Философские открытия Ф. М. Достоевского, М., 1995.
2. Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома. ПСС, Т. 4, Л., 1972.
3. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении, М., 1996.
4. Достоевский Ф. М. Подросток. ПСС, Т. 13, Л., 1975.
5. Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // Сб.: О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. М., 1990.
6. Белый А. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой // Сб.: О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. М., 1990.
7. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. М., 1967.
8. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. ПСС, Т. 6, Л., 1973.
9. Достоевский Ф. М. Дневник писателя, ПСС. Т. 21, Л., 1980.
10. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. ПСС, Т. 22, Л., 1981.
11. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. ПСС, Т. 26, Л., 1984.
12. Попов В. Д. Проблема народа у Достоевского // Материалы и исследования. № 4, Л., 1980.
13. Русский архив, 1900, № 11.
14. Достоевский. Братья Карамазовы. ПСС, тт. 34-15. Л., 1976.